Книга IV

Система Севрана

ФЭНТЕЗИ · ТРИЛЛЕР · ДРАМА

Милена Харламова

Система Севрана

«Автор»
2026

Харламова М. А.

Система Севрана / М. А. Харламова — «Автор», 2026

Сага "ХРОНИКИ ТОНКОЙ ГРАНИ"Что, если твои воспоминания — не вся правда? Если прошлое можно переписать, память изменить, а реальность заставить выглядеть совсем иначе?Всё начинается с загадочного Дома, которого нет на городских картах. Мильхара переступает его порог и оказывается втянута в цепь мистических событий, ведущих к тайным архивам, забытым историям и Палимпсесту — системе, способной влиять на человеческую память и восприятие мира.Постепенно открывается пугающая истина: тот, кто контролирует информацию, может управлять тем, во что верят люди, что помнят и какие решения принимают.Пять книг, полных загадок, неожиданных открытий, магии и опасных выборов, проведут вас по тонкой грани между правдой и иллюзией.Это история о тайнах, которые лучше не знать, и истине, за которую придётся бороться. О свободе мысли, силе выбора и праве каждого человека самому определять свою жизнь.А если реальность не такая, какой ты её помнишь, готов ли ты узнать правду?

© Харламова М. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. До того, как знание стало властью 5
Глава 1. Имя в старом списке 10
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Милена Харламова
Система Севрана

Пролог. До того, как знание стало властью

В первые годы исследования Тонкой Грани никто не называл её системой.

У исследователей не было единой карты, общего каталога или согласованного языка обозначений. Они собирали свидетельства в разных местах, сравнивали записи, отмечали необычные совпадения и спорили о том, можно ли считать повторяющееся явление закономерностью. Одни работали с документами, другие наблюдали за изменениями воспоминаний, третьи пытались установить, почему некоторые следы сохранялись после того, как обычные причины события уже исчезали.

Они не всегда понимали друг друга. Иногда использовали одинаковые слова для разных явлений, а иногда называли одним термином процессы, которые лишь внешне походили друг на друга. Но в начале у них оставалось общее правило: наблюдение ещё не давало права вмешиваться.

Это правило не было высечено на камне и не сопровождалось торжественной клятвой. Его записали в рабочем журнале, когда один из первых исследователей предложил перейти от наблюдения к воздействию.

В журнале сохранилось немногое: дата, описание случая, несколько замечаний на полях и короткая запись, сделанная другим почерком. Исходные свидетельства расходились в деталях. Один человек утверждал, что событие произошло до рассвета, другой — что уже после восхода. Время в регистрационном документе не совпадало ни с одним рассказом. Но все записи указывали на одно: человек, переживший тяжёлое событие, перестал вспоминать часть обстоятельств и больше не мог объяснить, почему испытывает страх перед определённым местом.

Исследователи не знали, была ли потеря воспоминания естественной реакцией, последствием магического воздействия или результатом нескольких причин, которые наложились друг на друга. Они не могли даже уверенно утверждать, что все свидетели говорили об одном и том же эпизоде.

Однако один из них предложил проверить, можно ли убрать болезненный фрагмент окончательно.

В записи не сохранилось полного объяснения его замысла. Возможно, он хотел помочь человеку. Возможно, считал, что устранение мучительного воспоминания позволит изучить оставшиеся следы без помех. Возможно, ему казалось, что небольшой опыт не повлечёт серьёзных последствий. Ни одна из этих версий не могла быть подтверждена по сохранившемуся тексту.

Осталось только описание самого решения: «Провести ограниченное воздействие после согласия исследуемого».

Следующая строка была зачёркнута настолько тщательно, что прочитать её уже не удавалось.

Человек согласился на опыт.

Позднее именно этот факт станет главным доводом тех, кто будет защищать вмешательство. Согласие было получено. Условия были объяснены. Воздействие считалось ограниченным. Никто не намеревался причинить вред.

Но согласие не делало результат заранее известным.

Когда исследователи завершили процедуру, болезненный фрагмент воспоминания действительно перестал проявляться так, как прежде. Человек смог говорить о месте, которого избегал, не испытывая прежнего приступа страха. На первый взгляд опыт оказался успешным.

Затем обнаружилась первая проблема.

В одном из рассказов изменился порядок событий. Человек по-прежнему помнил, что находился в определённом месте, помнил голоса и лица, но уже не мог установить, что произошло раньше. Сначала исследователи решили, что это обычное последствие сильного потрясения. Позже выяснилось, что в другом свидетельстве тот же эпизод описывался иначе, чем до опыта.

Нельзя было доказать, что изменение второго рассказа стало следствием вмешательства. Свидетели могли ошибаться. Документы могли быть составлены в разное время. Часть сведений была переписана из чужих записей. Исследователи не располагали достаточными данными, чтобы установить причинную связь.

Но они заметили, что вмешательство, которое считалось ограниченным, затронуло вопрос, выходивший за пределы первоначальной задачи: что происходит с воспоминаниями, связанными с чужими свидетельствами?

Первый исследователь, предложивший опыт, потребовал приостановить дальнейшие процедуры до проверки. Он записал, что результат нельзя считать успешным только потому, что один из симптомов ослаб. Нужно было установить, какие сведения сохранились, какие изменились и что именно стало недоступно человеку.

Другие возразили.

Они указывали, что боль уменьшилась. Что вмешательство проводилось с согласия. Что неизвестность не должна превращаться в запрет на помощь. Если каждый опыт откладывать до тех пор, пока исследователи не поймут все возможные последствия, многие люди так и останутся без поддержки.

Эти доводы не были лишены смысла.

В комнате, где проходило обсуждение, не было людей, желавших причинить вред. Одни опасались бездействия. Другие — поспешного вмешательства. Каждый видел ту часть проблемы, которая казалась ему наиболее опасной, и каждый мог привести примеры, подтверждавшие его опасения.

Спор продолжался несколько дней. Решение не появилось сразу.

В итоге исследователи приняли временное правило: любое воздействие на воспоминания следовало описывать отдельно от наблюдения; до и после процедуры требовалось сохранять независимые свидетельства; изменения, причины которых не установлены, нельзя было автоматически приписывать магии; повторное вмешательство допускалось только после дополнительной проверки.

В журнале рядом с этим решением появилась короткая приписка: «Не считать отсутствие немедленного вреда доказательством безопасности».

Эту фразу переписали в несколько рабочих тетрадей. В одной из них она была подчёркнута дважды. В другой возле неё стоял знак незамкнутого круга — тот самый, который спустя годы появится на карте Иары, хотя никто уже не сможет уверенно сказать, одинаковый ли смысл вкладывали в него разные исследователи.

Первые правила не остановили исследования. Они сделали их медленнее.

Приходилось ждать независимых свидетельств. Приходилось признавать, что отдельные записи нельзя объединить. Иногда приходилось прекращать работу, хотя решение казалось почти найденным. Исследователи спорили о том, что считать достаточным подтверждением, и не всегда соглашались даже после повторной проверки.

Но в те годы у них ещё оставалась возможность остановиться, не считая остановку поражением.

Один из хранителей начал собирать копии рабочих записей. Он не пытался свести их к единому объяснению. Напротив, в каждой подборке сохранял расхождения, указывал, какие документы происходили из одного источника, и отмечал, где исследователи спорили о толковании наблюдений. Если вывод менялся, прежнюю запись не уничтожали: рядом добавляли новое заключение и объясняли, почему прежнее перестало считаться надёжным.

Так возникли первые правила хранения свидетельств.

Не все исследователи считали их необходимыми. Некоторые полагали, что слишком подробная регистрация мешает работе. Другие говорили, что противоречивые документы только запутывают тех, кто придёт позже. Если специалисты уже установили более вероятную версию, зачем оставлять рядом старые ошибки?

Хранитель отвечал, что поздний вывод тоже может оказаться ошибочным. Если удалить прежние записи, будущие исследователи не смогут понять, на основании чего принимались решения и в какой момент предположение стало считаться фактом.

Его довод приняли не все. Но копии продолжали хранить.

С течением времени исследователи научились замечать больше. Они обнаружили, что некоторые воспоминания словно откликаются на изменения в других воспоминаниях. В определённых местах магические следы сохранялись дольше, чем ожидалось. Отдельные записи начинали совпадать по структуре, хотя происходили из разных архивов. Эти совпадения позволяли выдвигать новые гипотезы, но не всегда объясняли причины наблюдаемых явлений.

Постепенно возникла необходимость сопоставлять результаты разных групп.

Появились общие обозначения, формы отчётов и правила передачи материалов. Исследователи стали отмечать происхождение каждого свидетельства, степень его надёжности и ограничения метода, с помощью которого оно было получено. Карты становились сложнее. Между отдельными наблюдениями возникали линии, некоторые подтверждённые, другие — предположительные.

Никто ещё не мог видеть всю сеть целиком.

И всё же сама возможность соединять данные открывала новые перспективы. То, что раньше, казалось, отдельными случаями, теперь иногда обнаруживало общие признаки. Исследователи могли сравнивать результаты, повторять наблюдения и проверять, воспроизводятся ли обнаруженные закономерности.

Вместе с возможностями росла ответственность.

Однажды в рабочем отчёте появилось предложение создать единый механизм, который позволил бы быстрее сопоставлять сведения и обнаруживать опасные изменения до того, как они затронут людей. Идея была встречена с интересом. Единый механизм мог уменьшить число повторных опытов, упростить проверку результатов и помочь исследователям замечать связи, которые невозможно было увидеть из одной точки.

Но он требовал не только доступа к данным. Чтобы сопоставлять разные свидетельства, система должна была определять, какие из них относятся к одному событию, какие противоречат друг другу и какие изменения требуют вмешательства.

Кто будет принимать такие решения?

Вопрос записали в конце обсуждения. Ответа не последовало.

Вместо него появился список задач: определить пределы доступа, установить порядок независимой проверки, предусмотреть возможность остановки процедуры и отдельно описать действия в случае, если вмешательство затронет несколько связанных воспоминаний.

Эти ограничения считались временными. Их предполагалось уточнить после первых испытаний.

Никто не утверждал, что ограничения можно будет отменить. Никто и не предполагал, что когда-нибудь возникнет необходимость защищать их от тех, кто сам будет управлять механизмом.

Первые исследователи ещё верили, что достаточно подробно описать опасность, чтобы будущие специалисты научились её распознавать. Они не могли предвидеть все последствия собственных решений. Но они знали, что не понимают происходящее полностью, и старались сохранить эту неизвестность в документах.

Именно поэтому ранние записи оказались ценнее поздних пересказов: в них оставались не только выводы, но и сомнения.

В одной из последних тетрадей того периода хранитель подвёл черту под перечнем правил и добавил замечание:

«Мы не можем обещать, что любое вмешательство окажется безопасным. Мы можем только обязаться не скрывать неизвестные последствия, не подменять наблюдение желаемым результатом и не считать согласие разрешением на действия, границы которых человеку не объяснили».

Под записью оставили место для подписей.

Часть исследователей подписала документ в тот же день. Другие внесли замечания и потребовали уточнить формулировки. Несколько человек отказались подписывать, пока не будут установлены условия применения правил в экстренных случаях.

Документ не объединил их взгляды. Но он сохранил разногласия, которые позднее можно было изучить.

В следующие годы некоторые ограничения уточнялись, отдельные процедуры отменялись, другие получали более строгие условия. Возникали новые методы и новые споры. Там,

где прежде хватало наблюдения, теперь иногда требовалось вмешательство. Там, где вмешательство помогало одному человеку, последствия могли затронуть других. Исследователи учились на собственных ошибках, но не всегда успевали записать их до того, как прежние решения становились частью установленного порядка.

Не существовало одного дня, когда все изменилось.

Не было единственного приказа, который превратил наблюдение в контроль. Не было одной подписи, после которой исчезли сомнения. Были решения, каждое из которых имело собственные основания. Были исключения, которые казались необходимыми. Были временные меры, которые продолжали применять, потому что они однажды помогли. Были люди, убеждённые, что понимают последствия лучше тех, кого затрагивали их решения.

И были документы, в которых всё ещё сохранялись следы прежних ограничений.

Некоторые из них позже окажутся в закрытых хранилищах. Некоторые будут переписаны, разделены между разными отделами или потеряют часть регистрационных отметок. Другие сохранятся лишь в копиях, происхождение которых предстоит устанавливать заново.

Среди этих материалов будут и ранние записи о том, как согласие на помощь постепенно стало использоваться как основание для всё более сложных вмешательств.

Будут списки доступа, журналы передачи, схемы и обозначения, смысл которых со временем изменится.

И однажды в одном из таких списков появится имя человека, которому позволили изучать ранние исследования Тонкой Грани.

Но пока это имя ещё ничего не означало для будущего конфликта.

Оно было одной строкой среди многих — рядом с датой, регистрационным знаком и номером дела. Человек, чьё имя стояло в списке, не был обозначен как основатель, единственный хранитель или автор всей системы. Он получил доступ к материалам, созданным другими, и вошёл в историю исследований наравне с теми, кто работал до него.

Что он увидел в этих документах? Какие выводы сделал? Какие ограничения счёл необходимыми, а какие — мешающими? Ответы на эти вопросы ещё предстояло искать.

Их нельзя было получить из одной фамилии.

Потому что наследие Тонкой Грани состояло не только из механизмов, карт и магических следов. Оно состояло из решений людей, которые пытались уменьшить страдание, предотвратить новые ошибки и понять то, что превосходило их знания.

Некоторые из этих решений помогли сохранить свидетельства. Другие сделали вмешательство возможным. Третьи открыли путь к системе, способной соединять разрозненные воспоминания, не всегда различая восстановление связи и создание новой версии события.

В начале пути исследователи старались не решать за человека, что тот должен помнить. Они хотели понять, как устроена Тонкая Грань, и научиться распознавать её опасности.

Позднее кто-то решит, что одного понимания недостаточно.

Что знания нужно объединить. Что противоречия следует устранить. Что боль можно предотвратить, если заранее определить, какие воспоминания человеку безопасно сохранять.

Но между помощью и властью не существовало готовой линии, которую достаточно было однажды начертить на карте.

Эту границу предстояло проводить снова и снова — в каждом исследовании, каждом решении и каждом случае, когда желание исправить чужую историю становилось сильнее права человека распоряжаться ею самому.

Именно эту границу наследовали те, кто пришёл после первых исследователей.

Не как завершённое правило, которое достаточно было прочитать и принять.

Как вопрос, на который нельзя было ответить раз и навсегда.

Вопрос о том, где заканчивается знание и начинается право решать за другого.

Глава 1. Имя в старом списке

В архиве пахло мокрым камнем, пылью и чем-то едва уловимым, напоминавшим запах старой бумаги, которую слишком долго держали в закрытом помещении. После дождя этот запах становился особенно сильным. Казалось, вода проникала сквозь толщу стен, добиралась до спрятанных в глубине хранилищ и будила то, что годами предпочитало оставаться нетронутым.

Мильхара остановилась у входа в нижний зал.

Она уже бывала здесь раньше, но каждый раз испытывала одно и то же чувство: будто переступала не порог комнаты, а границу между двумя версиями мира. В верхних помещениях документы подчинялись привычным правилам. Их можно было описать, пронумеровать, сопоставить с датами и свидетельствами. Здесь же даже тишина казалась неоднородной. Она сгущалась в углах, расступалась возле пустых стеллажей и временами словно удерживала эхо давно произнесённых слов.

— Если ты собираешься ещё немного постоять и посмотреть на дверь, — сказал Демьян за её спиной, — предлагаю сразу внести это в протокол. «В девять часов утра Мильхара обна-

ружила, что дверь выглядит подозрительно. В течение следующих семи минут она наблюдала за ней с возрастающим недоверием».

Мильхара обернулась.

— Ты забыл указать, что дверь наблюдала за мной в ответ.

— Это предположение.

— Очень осторожное.

— Я стараюсь развиваться.

Марфа, спускавшаяся следом по узкой лестнице, тихо усмехнулась. Она несла небольшую сумку с инструментами для работы с архивными печатями и папку, которую с утра не выпускала из рук. На её лице читалась усталость, но не та, что возникала после бессонной ночи. Это была усталость человека, который слишком хорошо понимает, что может обнаружить в знакомых бумагах.

— Если вы закончили выяснять, кто из вас подозрительнее, — сказала она, — нам следует начать до того, как архив решит, что мы пришли исключительно ради беседы.

— Архив не принимает решений, — заметил Демьян.

Марфа посмотрела на него.

— Именно такие фразы обычно произносят перед тем, как выясняется обратное.

— Архив не принимает решений сам, — уточнила Мильхара. — Иногда за него это делают люди, а потом прячут свои решения в каталогах.

— Вот это уже похоже на рабочую гипотезу, — сказал Демьян. — С неё и начнём.

Он прошёл к столу в центре зала, поставил на него кожаную папку и осторожно развязал тесёмки. Внутри лежали копии регистрационных листов, несколько схем, выписки из старого реестра доступа и перечень имён, собранный по материалам предыдущего расследования.

Верхний лист был испещрён тонкими линиями. Некоторые записи читались легко, другие расплывались на сгибах, будто чернила однажды намокли и высохли прежде, чем кто-либо успел переписать текст. Вдоль правого края шёл ряд условных знаков: круги, разделённые пополам, короткие вертикальные штрихи, угловатые символы, напоминавшие незамкнутые двери.

Мильхара узнала последний знак.

Она не стала сразу наклоняться над листом. Сначала сняла перчатки, положила их рядом и только потом придвинула документ к себе.

— Откуда эта копия?

— Из старого реестра исследовательского отдела, — ответил Демьян. — Не из основного каталога. Это важно. Основной каталог фиксирует, какие материалы существуют и где они хранятся. Реестр доступа показывает, кому разрешали с ними работать. А отдельная выписка, которую я нашёл вчера, содержит изменения в самих разрешениях.

— То есть три разных источника?

— Три источника, которые пересекаются, но не дублируют друг друга полностью. Если один составлен неверно, два других могут это показать. Если все три происходят от одной записи, независимыми их считать нельзя. Я пока не знаю, насколько они независимы. Поэтому и не стал делать выводов.

Мильхара перевела взгляд на список имён.

В верхней части страницы стояли фамилии людей, чьи исследования относились к раннему периоду изучения Тонкой Грани. Некоторые имена были ей знакомы по письмам и свидетельствам, найденным во время прежних расследований. Другие встречались лишь в примечаниях — как участники комиссий, хранители отдельных коллекций или специалисты, чьи работы позднее пересматривались.

Севран Бельск стоял почти в середине списка.

Рядом с его именем не было ни звезды, ни отметки основателя, ни особого знака авторства. Только дата, короткая последовательность регистрационных символов и номер дела.

— Значит, он действительно работал с этими материалами, — произнесла Мильхара.

— Это подтверждается реестром, — ответил Демьян. — Но я бы разделил то, что мы знаем, и то, что нам хочется узнать.

— Давай.

— Первое: его имя присутствует в списке лиц, получавших доступ к исследованиям. Второе: дата указывает, что доступ был предоставлен задолго до открытого конфликта между ним и нами. Третье: пока неизвестно, какие именно материалы он изучал, что делал с полученными сведениями и кто утверждал его разрешения. Четвёртое: мы не можем утверждать, что он создал систему только потому, что его имя есть в списке.

— Но можем утверждать, что он знал о ней раньше, чем мы предполагали.

— Если запись подлинная и относится именно к нему.

Мильхара посмотрела на Демьяна с лёгким раздражением.

— Ты умеешь превращать даже открытие в перечень причин не радоваться.

— Это не открытие, если оно держится на одном имени в старом списке. Это направление расследования.

— А если я скажу, что направление мне не нравится?

— Тогда мы можем записать и это. Но архив от этого не станет понятнее.

Марфа положила папку на край стола.

— Демьян прав. Я тоже не хочу, чтобы мы торопились. Но имя Севрана в таком документе не случайно хотя бы потому, что это не случайный список. Здесь перечислены не все, кто когда-либо входил в архив. Здесь указаны люди, которым разрешали работать с материалами определённого отдела.

Она наклонилась над листом, не касаясь его.

— Посмотри на обозначения возле фамилий. Они мне знакомы.

— Ты видела их во времена службы Совету? — спросила Мильхара.

Марфа не ответила сразу.

Она провела пальцем по воздуху над рядом символов, останавливаясь возле каждого, словно пыталась вспомнить не сами знаки, а обстоятельства, при которых они стали ей известны.

— Некоторые — да. Не в таком сочетании. Во времена моей службы подобные обозначения встречались в процедурах проверки материалов, которые считались чувствительными. Одни знаки указывали на ограничение доступа. Другие — на необходимость второго подтверждения. Третий, кажется, относился к записям, где сведения могли затрагивать воспоминания нескольких людей одновременно.

— Кажется? — уточнил Демьян.

— Я не собираюсь делать вид, что помню всё. Это было давно, а часть документов тогда не показывали даже тем, кто должен был следить за соблюдением правил.

— Ты подписывала такие процедуры?

Вопрос прозвучал спокойно, но Мильхара заметила, как Марфа напрягла плечи.

— Некоторые, — сказала она. — Я уже говорила, что подписывала документы, не понимая всех последствий. Здесь я не стану ни оправдываться, ни утверждать больше, чем помню. Мне нужно увидеть полную запись.

— Хорошо, — сказал Демьян. — Тогда мы не будем считать совпадение символов доказательством, что ты участвовала именно в этой процедуре.

Марфа подняла на него взгляд.

— Благодарю за великодушие.

— Это не великодушие. Это нормальная работа с доказательствами.

— Знаю. Потому и благодарю.

Между ними повисла короткая тишина. Мильхара понимала, что дело не в этих двух фразах. Марфа давно перестала просить, чтобы ей верили на слово, но и сама не ожидала, что доверие вернётся после нескольких признаний. Теперь ей предстояло работать с документами, которые могли показать, насколько глубоко прежние методы Совета проникли в самые ранние исследования Тонкой Грани.

И, возможно, насколько рано она сама научилась принимать ограничение доступа за гарантию безопасности.

Мильхара снова посмотрела на символы.

На карте Иары встречались похожие знаки. Не все, и не в той последовательности. Тогда они казались обозначениями мест, где тонкие связи между воспоминаниями и событиями становились заметнее. Но Иара никогда не объясняла их однозначно. Она говорила, что карта не столько указывает на места, сколько показывает отношения между ними.

Мильхара раньше воспринимала это как очередную загадку наставницы. Теперь ей приходило в голову, что символы могли иметь более практическое происхождение.

— Мне нужно сравнить этот знак с картой Иары, — сказала она.

— Ты уверена? — спросил Демьян.

— Нет. Но я заметила совпадение.

— Это разные вещи.

— Я знаю. Именно поэтому хочу сравнить, а не сделать вывод.

Он кивнул, и в его выражении мелькнуло одобрение.

— Тогда сначала зафиксируем расположение знака на документе. Потом сравним форму, направление штрихов и соседние обозначения. Не будем прикладывать карту к листу, пока не проверим, не повредит ли это старую бумагу.

— Ты думаешь, я собиралась приложить её к листу?

— Я думаю, что ты способна на многое, когда находишь что-то интересное.

— Это почти комплимент.

— Не привыкай.

Марфа раскрыла свою папку и достала тонкую прозрачную пластину, которую использовали для сопоставления рисунков без прямого контакта с оригиналами. Демьян отметил номер документа, время обнаружения и состояние листа. Мильхара тем временем отошла к дальнему шкафу, где хранились копии карт и схем, уже прошедших первичную обработку.

Она помнила карту Иары слишком хорошо, чтобы спутать её с обычным планом. На ней не было привычных границ территорий или обозначений дорог. Вместо этого линии расходились от нескольких узлов, пересекались, обрывались и вновь появлялись на другом краю листа. Некоторые связи были нанесены тонкими серебристыми чернилами, другие — обычными тёмными. Рядом с отдельными точками стояли символы, которые Иара называла отметками наблюдения.

Мильхара нашла нужную копию и осторожно развернула её на свободной части стола.

Сначала совпадение показалось ей очевидным. Короткая вертикальная черта, наклонный штрих и незамкнутый круг. Но стоило присмотреться, как уверенность ослабла. На карте один из элементов был направлен внутрь круга, а на архивном листе — наружу. Разница могла быть случайной. Могла означать другую категорию. Могла быть результатом того, что один из документов переписывали с более раннего образца.

— Вот, — сказала Мильхара, указывая на знак. — Похожий символ.

Демьян подошёл ближе.

— Похожий, но не одинаковый.

— Я вижу.

— На карте линия входит в круг. Здесь выходит из него.

— Возможно, это обозначение противоположного направления связи.

— Возможно. А возможно, эти знаки вообще не связаны. Нам нужна ещё одна точка сравнения.

Мильхара ощутила знакомое желание сосредоточиться на символе до тех пор, пока тот не откроет ей смысл. Иногда ей казалось, что магия Тонкой Грани отвечает тем, кто достаточно долго смотрит на связи между вещами. Но теперь она знала, что это чувство может быть обманчивым. Когда человек хочет увидеть закономерность, разум охотно достраивает недостающие части.

Она заставила себя отвести взгляд.

— Хорошо. Нам нужна ещё одна запись.

— И желательно такая, происхождение которой не зависит от этого листа, — добавил Демьян.

— Ты сегодня особенно вдохновляешь.

— Я ещё не завтракал.

— Тогда я боюсь представить, каким ты станешь после.

Марфа, изучавшая второй документ, вдруг перестала улыбаться.

— Подойдите сюда.

На листе, который она развернула перед собой, была таблица с несколькими колонками. В первой стояли даты, во второй — номера дел, в третьей — фамилии исследователей. Четвёртая колонка содержала краткие обозначения доступа, а последняя — отметки о продлении разрешения.

Имя Севрана встречалось трижды.

Первое упоминание было самым ранним. Оно относилось к периоду, когда исследования Тонкой Грани ещё не были объединены в единый проект. Вторая запись фиксировала продление доступа. Третья ссылалась на отдельное дело, номер которого был зачёркнут и заменён другим.

— Почему номер изменили? — спросила Мильхара.

— Пока не знаю, — ответила Марфа. — Но смотри на даты. Между первой записью и второй прошло несколько лет. Между второй и третьей — значительно меньше.

Демьян достал из папки выписку, которую нашёл накануне.

— Здесь тоже есть этот номер. Старый зачёркнут, новый вписан другим почерком. Но на выписке нет подписи человека, который внёс изменение.

— Это может быть обычная регистрационная ошибка, — сказала Марфа.

— Может. А может, дело перенесли в другую категорию. Мы не знаем. Нам нужно найти журнал изменений.

— Если он сохранился, — добавила Мильхара.

— Если не сохранился, это тоже будет отдельным фактом, — сказал Демьян. — Но пока не будем заранее хоронить документ, который ещё не искали.

Он сделал пометку в блокноте.

Мильхара вновь посмотрела на фамилию Севрана. Раньше она представляла его появление в этой истории как момент, когда конфликт стал открытым. Он был противником, который знал о системе больше, чем рассказывал, и стремился использовать её возможности в собственных целях. Но документы указывали на более долгую предысторию.

Севран не возник в середине кризиса из ниоткуда. Он изучал последствия магии памяти задолго до того, как его методы стали угрозой для других. Возможно, он видел, как отдельные вмешательства приводили к неожиданным последствиям. Возможно, считал, что эти последствия можно предотвратить, если объединить разрозненные исследования и установить единые правила.

И, возможно, именно эта уверенность привела его к мысли, что кто-то должен получить право определять, какие воспоминания человеку безопасно сохранять.

Но это пока были только предположения.

— Я хочу понять, что он изучал в самом начале, — сказала Мильхара. — Не только какие материалы ему разрешали читать, но и какие вопросы он задавал.

— Для этого нужны журналы исследований, — ответил Демьян. — Если их не изъяли или не перенесли.

— А если перенесли?

— Тогда нам понадобится журнал переноса.

— А если его тоже перенесли?

— Мильхара.

— Что?

— Если мы будем искать журнал каждого возможного переноса, мы закончим к следующему столетию.

— Зато будем хорошо подготовлены.

— Ты путаешь подготовленность с бесконечным количеством папок.

Марфа закрыла один из документов.

— Есть ещё один путь. В старых исследовательских отделах существовали списки не только доступа, но и ответственных хранителей. Если дело переносили, кто-то должен был принять его на хранение. По крайней мере, так полагалось по правилам.

— По тем правилам, которые ты помнишь? — спросил Демьян.

— По тем, которые я видела. Я не могу утверждать, что их соблюдали во всех случаях.

— Это уже полезнее.

Марфа не стала отвечать на колкость. Она придвинула к себе лист с изменённым номером и стала изучать его нижний край. Там, почти у самого сгиба, обнаружилась тонкая строка, написанная мелкими буквами. Она была настолько бледной, что с первого взгляда её можно было принять за след от соседнего листа.

— Здесь есть примечание.

Демьян подал ей увеличительное стекло.

Марфа наклонилась над записью и медленно прочитала:

— «Передано в раздел последствий».

— Что это значит? — спросила Мильхара.

— Не знаю, — сказала Марфа. — Но такой формулировки я не помню в обычных регистрационных документах.

Демьян записал её дословно.

— Возможно, это название раздела. Возможно, внутреннее обозначение категории. Мы не должны превращать неизвестную фразу в доказательство тайного отдела.

— Никто и не превращает, — сказала Мильхара.

— Я предупреждаю нас всех. Особенно себя.

Он провёл пальцем по строчке в блокноте, затем добавил рядом: «Требуется установить значение формулировки и происхождение изменения номера».

Мильхара почувствовала, как в ней нарастает беспокойство. Не страх перед тем, что они могут обнаружить, а раздражение от того, что каждый ответ открывал ещё несколько вопросов. Она хотела увидеть всю картину сразу: кто начал исследования, кто превратил наблюдение в инструмент вмешательства, когда появились ограничения доступа и каким образом Севран оказался связан с первичным механизмом.

Но история не собиралась раскрываться по её требованию.

Она вспомнила слова Ардена, сказанные незадолго до того, как они отправились в архив: «Не всякая связь, которую ты способна увидеть, уже принадлежит тебе. Иногда знание о связи — только начало ответственности».

Тогда эта фраза показалась ей очередным наставлением, слишком общим, чтобы помочь в настоящем расследовании. Теперь она понимала, что речь могла идти не только о магии.

Увидеть связь между Севраном и старым исследовательским отделом было легко. Гораздо труднее было определить, что именно эта связь означала.

— Мы должны найти первоначальную запись, — сказала Мильхара. — Не копию и не выписку. Документ, на основании которого ему предоставили доступ.

— И журнал изменения номера, — добавил Демьян.

— И список хранителей, — сказала Марфа.

— И значение раздела последствий, — заключила Мильхара.

Демьян поднял на неё глаза.

— Ты понимаешь, что мы только что превратили одну запись в четыре задачи?

— Пять. Ещё нужно проверить символы на карте Иары.

— Я так и знал.

На этот раз улыбнулись все трое. Смех получился коротким, почти неслышным, но он немного разрядил напряжение.

Затем Марфа снова стала серьёзной.

— Есть ещё кое-что. Если Севран получил доступ к этим материалам задолго до открытого конфликта, значит, его взгляды формировались не только в результате последних событий. Мы должны выяснить, что он видел в начале. Не для того, чтобы оправдать его. Чтобы понять, какое решение он считал необходимым и в какой момент перестал видеть границы.

— Мы не знаем, перестал ли он их видеть, — возразил Демьян. — Возможно, он считает, что границы есть, но право устанавливать их принадлежит ему.

— Это хуже, — сказала Мильхара.

— Да. Но точнее.

Она снова посмотрела на список. Впервые имя Севрана перестало казаться ей просто фамилией человека, которого нужно остановить. Оно стало частью истории, уходившей глубже, чем они предполагали. За ним стояли годы исследований, спорные решения, изменённые документы и принципы, которые когда-то могли казаться разумными.

Если они хотели предотвратить повторение прежних ошибок, им предстояло разобраться не только в том, что Севран собирался сделать теперь, но и в том, что когда-то сделало его уверенным в собственном праве решать за других.

И всё же одна деталь не давала Мильхаре покоя.

Она вновь посмотрела на символ возле его имени — на круг с незамкнутой линией. На карте Иары такой знак стоял рядом с узлом, от которого расходились несколько тонких связей. В отличие от других отметок, возле него не было ни названия, ни даты. Только короткая подпись, которую Иара однажды назвала «местом, где вопрос ещё не получил ответа».

Мильхара тогда не придала этим словам значения.

Теперь она не была уверена, что Иара говорила о месте.

Возможно, это был не географический ориентир. Возможно, символ обозначал стадию исследования — точку, в которой наблюдение ещё не превратилось в решение. Или предупреждение о том, что любая попытка продолжить без дополнительных сведений приведёт к догадке, которую легко принять за истину.

Она не стала озвучивать ни одну из этих версий. Пока у неё не было оснований предпочесть одну другой.

Вместо этого Мильхара взяла чистый лист и записала три строки:

Подтверждено: имя Севрана присутствует в старом реестре доступа.

Не установлено: какие именно материалы он изучал и какие решения принимал на основании полученных сведений.

Требуется проверить: связь обозначений реестра с символами на карте Иары.

Она отложила перо.

— Вот с этого и начнём.

Демьян прочитал запись и кивнул.

— Хорошо. Только не добавляй четвёртую строку о том, что архив подозрительно на нас смотрит.

— Я оставлю это в личном дневнике.

— Тогда я попрошу приобщить дневник к делу.

— Попробуй.

Марфа собрала документы в том порядке, в каком они были обнаружены, и отдельно сложила листы, требовавшие дополнительной проверки. Она не стала возвращать их в шкаф. Сначала следовало установить происхождение каждой копии, сравнить регистрационные номера и выяснить, не были ли отдельные листы перенесены из разных дел в одну папку.

Работа обещала занять больше времени, чем они рассчитывали.

И это было правильно.

Слишком многое в истории Тонкой Грани произошло потому, что кто-то решил: времени мало, последствия очевидны, а дальнейшая проверка только помешает принять необходимое решение.

Мильхара не хотела повторять эту логику даже ради самой благородной цели.

Она ещё раз посмотрела на имя Севрана. Теперь оно не давало ей готового ответа. Оно задавало вопрос, который придётся проверять шаг за шагом.

За узким окном нижнего зала дождь постепенно стихал. Где-то наверху закрылась дверь, раздались шаги архивного служителя, затем всё снова затихло.

Мильхара собрала свои записи и убрала их в отдельную папку. На обложке она написала: «Первичные исследования. Происхождение доступа. Не считать выводы установленными до проверки».

Она задержала взгляд на последней фразе.

Ей хотелось добавить ещё одну: «Найти, кто начал».

Но она зачеркнула эти слова, едва написав их.

Вопрос был поставлен неверно. Они пока не знали, существовал ли один человек, с которого всё началось. Первые исследователи могли работать одновременно, обмениваться идеями, спорить, исправлять чужие ошибки и повторять их по-своему. Система, которую они пытались понять, могла вырасти не из единственного замысла, а из множества решений, каждое из которых в отдельности казалось допустимым.

Если это так, поиск одного виновника не поможет понять, как возник кризис.

Нужно было выяснить, какие решения открыли дорогу следующему решению. Где наблюдение стало вмешательством. Где помощь превратилась в право распоряжаться чужим опытом. Где временное ограничение перестало быть исключением и стало правилом.

И только потом можно будет говорить о личной ответственности каждого.

— Идём? — спросил Демьян.

Мильхара кивнула, но у двери обернулась к столу. Старый список лежал под прозрачной защитной пластиной. Имя Севрана не выделялось среди остальных, и именно это тревожило сильнее всего.

Он не был отмечен как основатель. Не был обозначен как единственный хранитель. Не стоял над системой, словно её создатель.

Он был одним из тех, кто получил доступ.

И теперь предстояло понять, что он сделал с этим доступом — и какие возможности ему открыли другие.

Мильхара вышла вслед за Демьяном и Марфой. Впереди их ждали первоначальные записи, закрытые каталоги и документы, значение которых ещё предстояло установить. Ни одна из найденных страниц пока не давала права утверждать, что они понимают происхождение Палимпсеста.

Но впервые за долгое время у расследования появился вопрос, который можно было проверять не только магией.

Когда Севран получил доступ к первым исследованиям — и что именно ему позволили увидеть?

Они не поднялись наверх сразу.

На лестничной площадке Марфа остановилась у узкой двери, которую обычно использовали сотрудники архива. За ней находилась небольшая служебная комната с каталогами, журналами выдачи и столом для работы с документами, которые нельзя было выносить из нижнего хранилища. В отличие от главного зала, здесь не было ни старинных карт, ни сложных печатей. Только полки, лампы и несколько шкафов, на которых аккуратным почерком были обозначены годы.

— Если я правильно помню, журналы переноса хранились здесь, — сказала Марфа. — Не сами дела, а записи о том, куда их передавали.

Демьян посмотрел на часы.

— Ты сказала это только сейчас?

— Я вспомнила только сейчас.

— Понимаю. Мой любимый вид архивной работы: сначала найти документ, потом вспомнить, где лежит указатель на другой документ.

— Ты можешь вернуться наверх и составить жалобу.

— Я предпочитаю сначала собрать доказательства.

— Вот видишь, — сказала Мильхара. — Архив делает из людей удивительные вещи.

Марфа открыла дверь ключом, который достала из внутреннего кармана. Замок щёлкнул не сразу. Пришлось немного приподнять ручку, затем повернуть ключ в обратную сторону и только после этого надавить на дверь.

— Его давно нужно заменить, — заметила она.

— Запиши это в протокол, — предложил Демьян. — Вдруг замок тоже часть системы.

— Если мы найдём ещё один документ, подтверждающий, что замок неисправен, я готов рассмотреть эту версию.

Комната оказалась меньше, чем ожидала Мильхара. Два стеллажа занимали почти всю дальнюю стену. На одном стояли толстые книги с регистрационными номерами, на другом — коробки с карточками. На столе лежали чистые бланки, карандаши, увеличительное стекло и деревянная линейка. Под окном был установлен небольшой шкаф с металлическими дверцами.

Марфа подошла к нему.

— Вот здесь.

На дверце висела табличка: «Журналы движения материалов. Внутреннее пользование». Под ней мелкими буквами было добавлено: «Записи не являются подтверждением содержания переданного дела».

— По крайней мере, кто-то предусмотрел возможность ошибочного вывода, — сказал Демьян.

— Или кто-то слишком часто видел, как люди делают выводы по одной строке, — ответила Марфа.

Она открыла шкаф. Внутри стояли журналы, разделённые по годам. Некоторые были переплетены в тёмную кожу, другие представляли собой простые книги с плотными серыми обложками. На корешках имелись номера, но часть этикеток выцвела.

Демьян сверился с датой первой записи Севрана.

— Начнём с этого года. Потом проверим предыдущий и следующий. Если дело переносили, запись могла появиться не в день передачи, а при очередной сверке.

— А если переносили задним числом? — спросила Мильхара.

— Тогда будем искать признаки поздней записи. Почерк, чернила, порядок внесения, ссылки на соседние документы. Но сначала посмотрим, что сохранилось.

Он выбрал журнал и положил его на стол. Марфа открыла книгу на нужном разделе, а Мильхара села напротив, чтобы не мешать. Несколько минут они работали молча. Демьян проверял номера, Марфа читала заголовки, Мильхара сравнивала обозначения с теми, что видела на карте Иары.

Первый журнал не дал ничего, кроме подтверждения, что часть исследовательских материалов в тот период действительно перемещали между отделами. Вторая книга содержала более подробные записи, но нужный номер в ней отсутствовал. В третьем журнале нашлась ссылка на дело с похожим обозначением — без фамилии Севрана и без объяснения, почему оно оказалось в другом разделе.

— Это может быть нужное дело, — сказала Мильхара.

— Может, — согласился Демьян. — Но совпадение номера ещё ничего не доказывает. Здесь есть дополнительный индекс.

Он развернул книгу так, чтобы Марфа могла прочитать строку.

— Видишь? У нашего дела в конце стояла буква «Р». Здесь — «К».

— Индексы могли меняться при переносе, — сказала Марфа.

— Могли. Есть ли запись, которая подтверждает такое изменение?

Она пролистала несколько страниц назад, затем вперёд.

— Пока нет.

Демьян внёс в блокнот номер журнала и страницу.

— Тогда это не найденное дело, а возможный след. Оставим его в перечне для проверки.

Мильхара наклонилась над книгой. В самом низу страницы, возле внутреннего сгиба, была тонкая черта, пересекавшая строку. Она не походила на зачёркивание. Скорее, кто-то провёл пером, чтобы отделить примечание от основной записи.

— Что написано здесь?

Марфа придвинула лампу.

— «Приостановить выдачу до подтверждения связей». Дальше неразборчиво.

— Каких связей? — спросила Мильхара.

— Не указано.

— А рядом есть номер?

Демьян изучил край страницы.

— Нет. Или он стёрся. Мы не можем определить.

Мильхара почувствовала, как внимание невольно сосредотачивается на фразе. В ней было что-то знакомое. Не сами слова, а их смысл. В прежних исследованиях она встречала упоминания о связях, которые следовало подтверждать до вмешательства. Иногда речь шла о связях между свидетельствами, иногда — о взаимозависимых воспоминаниях. Но здесь не было ни пояснения, ни названия процедуры.

Она закрыла глаза и попыталась уловить остаточный след магии.

Сначала ничего не произошло. Комната оставалась комнатой: сухой запах бумаги, глухой шум дождя за окном, лёгкое потрескивание лампы. Потом Мильхара почувствовала слабое натяжение, похожее на тонкую нить, уходящую от страницы куда-то в сторону.

Она не потянулась к ней.

Вместо этого открыла глаза и отодвинула руки от журнала.

— Здесь есть остаточный след, — сказала она.

Демьян немедленно перестал писать.

— Какой?

— Я пока не могу определить. Он слабый. Может быть связан с процедурой, а может — с тем, что книгу долго хранили рядом с другими материалами.

— Ты можешь проверить?

Мильхара посмотрела на страницу. Ей хотелось сказать, что может. Не потому, что она действительно была уверена, а потому, что возможность получить ответ находилась прямо перед ней.

Но фраза «приостановить выдачу до подтверждения связей» не объясняла, какие именно связи имелись в виду. Если она вмешается в остаточный след, то может получить фрагмент чужого действия без контекста — и принять его за доказательство.

— Не сейчас, — сказала она. — Сначала нужно установить, что это за запись и почему её внесли. Если мы не поймём контекст, магическое наблюдение может только добавить ещё одну неопределённость.

Демьян медленно кивнул.

— Это разумно.

— Я удивлена, что ты не сказал, будто я наконец научилась работать.

— Я могу сказать, если тебе это необходимо.

— Необходимо, чтобы ты продолжал молчать.

— С удовольствием.

Марфа тем временем открыла соседний журнал.

— Посмотрите сюда. Через несколько месяцев после этой записи тот же отдел ввёл новую форму отчёта. В ней отдельно указывали, какие связи подтверждены, какие предполагаются и какие нельзя проверять без дополнительного разрешения.

— Это уже похоже на развитие процедуры, — сказал Демьян.

— Или на попытку исправить прежнюю, — ответила Марфа.

Мильхара посмотрела на таблицу. В ней было несколько колонок: «наблюдаемое», «подтверждённое», «предполагаемое», «ограничения» и «последующие действия». Последняя колонка оказалась самой интересной. В некоторых строках стояла отметка «наблюдение прекращено». В других — «передано старшему хранителю». А рядом с несколькими записями имелась формулировка, которую они уже видели в другом документе: «раздел последствий».

— Теперь это уже не единичное выражение, — сказала Мильхара.

— Но всё ещё не доказательство существования отдельного отдела, — уточнил Демьян.

— Я не говорила, что это отдельный отдел.

— Ты посмотрела на него так, словно собиралась назвать его тайным кабинетом с чёрными шторами.

— У меня богатое воображение.

— Оно должно работать вместе с фактами.

— Моё воображение обычно приводит факты к тебе. Дальше ты их мучаешь.

Марфа тихо рассмеялась и перевернула страницу.

— Здесь есть список ответственных хранителей. Имена, даты назначения, номера дел. Если Севран получил доступ к исследовательским материалам, возможно, его разрешение утверждал кто-то из этих людей.

Демьян придвинул к себе лист.

— Возможно. Но мы пока не знаем, требовалось ли утверждение хранителя для всех видов доступа. В некоторых случаях разрешение могло выдаваться руководителем проекта.

— Тогда нам нужны оба списка, — сказала Мильхара.

— Да. И подтверждение, что они относятся к одному периоду.

Работа продолжалась. Они сравнивали записи, сверяли номера, отмечали пробелы. Постепенно выяснялось, что архивные материалы не складывались в одну стройную линию. Некоторые дела упоминались в журналах движения, но отсутствовали в каталоге. Другие сохранялись в каталоге, однако не имели полной истории выдачи. Иногда на месте подписи стоял только регистрационный знак. В нескольких случаях дата изменения была указана, но имя человека, внёсшего его, отсутствовало.

Ничего из этого само по себе не доказывало намеренного сокрытия. Старые архивы переживали реорганизации, пожары, перемещения и ошибки переписчиков. Но совокупность пробелов требовала объяснения.

К полудню они собрали небольшую таблицу.

В ней было всего четыре строки, которые относились непосредственно к Севрану:

· первое подтверждённое упоминание в реестре доступа;

· запись о продлении разрешения;

· изменение номера дела;

· ссылка на раздел последствий.

Ни одна строка не указывала, что именно он изучал. Ни одна не доказывала, что он участвовал в создании протоколов, которые позднее использовались Советом. Но все вместе они показывали, что его знакомство с ранними исследованиями началось значительно раньше открытого противостояния.

— Мне не нравится, что мы знаем так мало, — сказала Мильхара.

— Мне тоже, — ответил Демьян. — Но теперь мы знаем, чего именно не знаем.

— Это должно утешать?

— Нет. Это должно помогать не выдавать догадки за ответы.

Марфа собрала найденные номера и переписала их на отдельный лист.

— Есть ещё одна возможность. В старых отделах иногда хранили так называемые рабочие описи. Они не входили в официальный каталог, потому что создавались для внутреннего использования. Если исследователь работал с несколькими связанными делами, хранитель мог составить опись, чтобы отслеживать их вместе.

— И где они хранились? — спросила Мильхара.

— В зависимости от отдела. Иногда рядом с журналами. Иногда у руководителя проекта.

Демьян задумался.

— Тогда нам нужно выяснить, кто руководил исследовательским отделом в тот период.

— Это не обязательно будет один человек, — сказала Марфа. — В первые годы работа могла быть разделена между несколькими хранителями.

— Тем лучше. Больше независимых записей для сравнения.

Мильхара посмотрела на список фамилий. Одно имя в нижней части страницы было частично закрыто следом от старой печати. Она наклонила лист, чтобы изменить угол света.

— Здесь кто-то стёр запись?

— Не трогай, — сразу сказал Демьян.

— Я не трогаю.

— Ты уже наклонилась так, будто собираешься провести пальцем по чернилам.

Мильхара медленно выпрямилась.

— Иногда мне кажется, что ты расследуешь не дело, а мои движения.

— Они часто предшествуют вмешательству в улики.

Марфа установила лампу под другим углом. Под печатью проступили несколько букв, но восстановить фамилию полностью не удалось.

— Можно попробовать прочитать с помощью увеличения, — сказала она. — Но лучше сделать снимок и обработать его отдельно, не воздействуя на оригинал.

— Согласен, — ответил Демьян.

Он сделал несколько снимков с разным освещением, затем записал, какие части строки были различимы. Мильхара внимательно следила за процессом. Ей было непривычно, что они откладывают магическую проверку в пользу обычных инструментов. Раньше она могла бы попытаться восстановить след записи и получить хотя бы приблизительное представление о том, кто стоял за печатью.

Теперь она видела, что это «приблизительное представление» могло стать ловушкой. Если бы она почувствовала чужое присутствие, то не смогла бы без дополнительных данных определить, кому оно принадлежало: автору записи, человеку, который поставил печать, или тому, кто позже пытался исследовать документ.

Магия могла показать след. Но след ещё не был именем.

Когда снимки были готовы, Демьян убрал журнал в защитную обложку.

— На сегодня достаточно. Мы не закончили, но получили перечень документов для следующего этапа.

— И ни одного ответа, — заметила Мильхара.

— У нас есть один ответ: доступ Севрана был частью официальной процедуры, а не случайным посещением архива. Теперь нужно установить условия этой процедуры.

— Это не совсем ответ на вопрос, что он делал.

— Нет. Это ответ на вопрос, как он получил возможность делать то, что мы пока не знаем.

Марфа закрыла шкаф и проверила замок.

— Я хочу запросить полные описи за этот период. Если они сохранились, они могут указать, какие материалы были связаны с делом Севрана.

— Запрос должен быть письменным, — сказал Демьян. — С указанием номеров и причины обращения.

— Я знаю.

— И без формулировки «нам кажется, что здесь скрывают нечто важное».

— Я не собиралась писать это.

— Хорошо. Потому что я уже подготовил отдельный лист с более убедительными формулировками.

Мильхара взглянула на него.

— Ты заранее подготовил заявление?

— Пока вы спорили о том, подозрительно ли выглядит дверь.

— Значит, ты тоже умеешь действовать, пока другие заняты наблюдением.

— Не распространяй эту информацию. У меня есть репутация.

Они вышли из служебной комнаты, оставив журналы на столе для последующей регистрации. В коридоре было прохладнее. Из верхних помещений доносились приглушённые голоса, шорох бумаги и стук каблуков по каменному полу. Архив жил своей обычной жизнью, словно в его стенах не существовало никаких загадок.

Мильхара остановилась возле окна. Снаружи дождь почти прекратился. На стекле остались тонкие дорожки воды, в которых отражались крыши соседних зданий.

— Знаете, что меня беспокоит? — спросила она.

— У нас есть несколько предположений, — ответил Демьян. — Уточни, какое именно.

— Мы всё время ищем момент, когда система изменилась. Первую запись, первое ограничение, первое вмешательство. Но, возможно, такого момента не было. Возможно, люди шаг за шагом меняли правила, каждый раз считая изменение временным.

Марфа прислонилась плечом к стене.

— Так обычно и происходит. Сначала появляется исключение. Потом выясняется, что исключение полезно. Затем его начинают применять чаще, потому что оно уже проверено. А после кто-то решает, что раз метод помогал раньше, то его можно использовать и в других случаях.

— Даже если другие случаи отличаются, — сказала Мильхара.

— Особенно если отличаются, — ответила Марфа. — Именно тогда и нужны ограничения. Но если люди уверены, что понимают последствия лучше остальных, ограничения начинают казаться им препятствием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.